

эллинского почитания земли, на которое указал Дитрих: существование того и другого в северочерноморских греческих городах — Ольвии, Херсонесе и Боспоре, а равно и у соседивших с ними тавров и скифов, не подлежит сомнению.²⁶ Социальный рефлекс доземледельческого уклада в древнерусском культе земли ведет, таким образом, скорее всего к пережиткам местной скифской и доскифской культуры. С этой стороны особый интерес представляют опять-таки наши волхвы.

То, что рассказывает о них летопись Несторовой и до-Несторовой редакции (под 1024, 1044, 1071 и 1091 гг.), справедливо оценивается (Аничковым и др.) как ряд однородных известий, идущих через весь XI в., о спорадических вспышках по местам языческой реакции, чему благоприятной почвой всякий раз служил недород и голод. Неясным остался, однако, вопрос о самом языке волхвов и их национальности: ни Е. Аничков, ни Гальковский не пошли простого указания на отсутствие упоминаний в связи с волхвами имен Владимировых богов, откуда заключили о сугубо народном, отличном от дружинно-княжеского, характера их язычества; а, с другой стороны, сходство космогонической сказки, изложенной от лица волхвов летописью (под 1071 г.), с аналогичным мордовским сказанием подсказывало простой, как казалось, ответ о финском происхождении самих волхвов; за него высказался А. Веселовский (Разыскания в области русских духовных стихов, вв. 1—6. СПб., 1879—1891), позже — Е. Аничков, Гальковский и др. Сразу же, однако, для такого решения вопроса обнаружились непреодолимые трудности: космогоническая сказка о Сатанаиле, кроме мордовской версии, имеет и южнославянскую (богомильскую), сходство с которой летописного рассказа никак не меньше, чем с мордовской, не говоря уж о гораздо большей вероятности югославянского влияния на летопись, чем мордовского. Не в пользу финского происхождения волхвов говорят и те летописные о них известия, где их влиянию поддаются не северные или северо-восточные области с издавна прочным финским населением (Новгород, Ростов и Суздаль), а западный Полоцк или даже сам Киев, где уж никаких следов финского населения ни теперь, ни в XI в. указать нельзя. На степной юг, скорее, чем на север, указывает и характерное вообще для наших волхвов гадание половецкого хана Боняка, как рассказано в летописи под 1097 г.: из искусной переклички с волхвами он узнал о предстоящей победе. Нуждается в оговорках и простонародность волхвов, поскольку летопись знает не только столкновения их с князьями, но и прямую их близость к княжескому семейному быту, что видно, например, из обстоятельств рождения Всеслава Полоцкого (см. ниже).

Неясность всех этих вопросов требует, как видно, прежде всего уяснение самого главного: отстаивавшихся волхвами их собственных верований. Под 1024 г. и вторично, подробнее, под 1071 г. изложен один и тот же жестокий и странный обряд ростовско-суздальских волхвов во время неурожая. В 1024 г., когда «во всей той стране» был «мятеж велик и голод», выступившие волхвы «избиваху старую чадь... глаголюще, яко си держат гобино (урожай)». Точь-в-точь то же повторилось в 1071 г.,

²⁶ Ср., например: 1) таврские погребания в каменных ящиках в скорченном положении [В. Н. Дьяков, Древняя Таврика до римской оккупации. — Вестник древней истории. М., 1939, № 3 (8), стр. 72—86 и разъяснения «daß es die Stellung des Embryo sei» у Дитриха (Al. Dieterich, Mutter Erde, стр. 27—28); 2) скифский «ульт Гистии—Табити и Земли—Апи у Геродота (кн. II, § 50; кн. IV, §§ 59, 127); 3) праздничество триада и рошу Кибелы близ Ольвии [В. Н. Гракков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. — Вестник древней истории М., 1939, № 3 (8), стр. 265]; см. также статью «Таврическая богиня» в книге И. И. Толстого (Остров Белый и Таврика. Л., 1918).